

Глава 1

Наблюдателей было трое: двое мужчин и мальчик. Из-за расстояния они пользовались не биноклями, а подзорными трубами. Они находились почти в миле от своей цели, поскольку ближе укрытия найти не удалось. Со всех сторон их окружала ровная местность с невысокими холмами, выжженная солнцем до цвета хаки, — трава, камни и песок. Самым безопасным местом, где они смогли спрятаться, было довольно широкое ущелье, появившееся миллионы лет назад, когда здесь царствовал другой климат, шли дожди, росли папоротники и несли свои воды реки.

Мужчины лежали, прижавшись к пыльной земле, и неотрывно смотрели в подзорные трубы, а утреннее солнце проливало свой жар на их спины. Мальчик ползал вокруг них на коленях, носил воду из маленького холодильника, следил за просыпающимися гремучими змеями и делал записи в блокноте. Они приехали еще затемно в пыльном пикапе издалека, с запада, по пустынной местности. Накинув кусок брезента на грузовик, прижали его камнями, а сами осторожно подобрались к краю ущелья, где поставили подзорные трубы как раз в тот момент, когда утреннее солнце появилось на востоке за красным домом примерно в миле от них. Была пятница, пятое утро, которое они здесь проводили, и разговаривать им не особенно хотелось.

— Время? — спросил один из мужчин.

Голос его звучал гнусаво из-за того, что один глаз у него был открыт, а другой зажмурен.

Мальчик посмотрел на часы и ответил:

— Шесть пятьдесят.

— Внимание, — сказал мужчина с подзорной трубой.

Мальчик открыл блокнот и приготовился сделать те же записи, какие делал вот уже четыре раза.

— В кухне зажегся свет, — сообщил мужчина.

Мальчик записал: «6:50. В кухне зажегся свет». Кухня выходила окнами прямо на них и на запад, в нее не проникали лучи утреннего солнца, и потому в ней было темно даже после восхода.

— Одна? — спросил юноша.

— Как всегда, — прищурившись, проговорил второй мужчина.

«Кухарка готовит завтрак, — записал мальчик. — Объект еще в постели».

Солнце медленно поднималось, описывая дугу на небе, и тени начали укорачиваться. На крыше красного дома, прямо над кухней, торчала высокая труба, похожая на стрелку солнечных часов. Тень от нее сдвинулась и стала короче, а солнце принялось сильнее припекать спины наблюдателей. Семь часов утра, и уже так жарко. К восьми его лучи будут обжигающими, к девяти станет невыносимо. А им придется просидеть здесь целый день, пока не стемнеет и они не смогут незаметно покинуть свой пост.

— Открываются шторы в спальне, — сообщил второй мужчина. — Она встала.

Мальчик записал: «7:04. Открылись шторы в спальне».

— А теперь слушайте, — сказал первый мужчина.

Они услышали, как включилась колодезная помпа: едва различимый с расстояния в милю щелчок, затем ровное тихое гудение.

— Она принимает душ, — сказал мужчина.

Мальчик записал: «Объект принимает душ».

Мужчины дали отдых своим глазам. Пока она находилась в душе, ничего не могло произойти. Естественно, не могло. Они опустили подзорные трубы и заморгали, когда ослепительное солнце ударило им в глаза. Помпа выключилась через шесть минут, и тишина, наступившая после прекращения едва различимого гудения механизма, показалась им оглушительной. Мальчик написал: «7:12. Объект вышел из душа». Мужчины снова поднесли подзорные трубы к глазам.

— Думаю, она одевается, — сказал первый мужчина.

Мальчик захихикал:

— Ты видишь ее голую?

Второй мужчина, устроившийся в двадцати футах к югу, видел заднюю часть дома, где располагалась ее спальня.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты мерзкий тип? — спросил он.

Мальчик написал: «7:15. Возможно, одевается». Затем: «7:20. Возможно, находится внизу и завтракает».

— Она снова поднимется наверх, чтобы почистить зубы, — сказал он.

Мужчина слева сдвинулся, опираясь на локти.

— Ясное дело, — проговорил он. — Правильная малышка.

— Снова закрывает шторы, — сообщил мужчина справа.

Так всегда делают на западе Техаса, в особенности когда окна спальни выходят на юг, как это окно. Если только вы не хотите провести следующую ночь в комнате, где воздух горячее, чем в печи для приготовления пиццы.

— Внимание, — сказал мужчина. — Ставлю один бакс против десяти на то, что она сейчас отправится в конюшню.

Никто не принял его вызов, потому что до сих пор четыре раза из четырех она так и поступала, а наблюдателям платят именно за то, чтобы они обращали внимание на схему поведения.

— Дверь кухни открывается.

Мальчик записал: «7:27. Открылась дверь кухни».

— Она выходит.

Она появилась в голубом льняном платье до колен, с голыми плечами. Влажные после душа волосы были завязаны в хвост.

— Как называется такое платье? — спросил мальчик.

— Сарафан, — ответил мужчина слева.

«7:28. Выходит в голубом сарафане, идет к конюшне», — записал мальчик.

Она прошла по двору короткими неуверенными шажками, спотыкаясь о неровности пропеченной на солнце земли, примерно семьдесят ярдов. Открыла дверь и скрылась в полумраке внутри.

Мальчик записал: «7:29. Объект в конюшне».

— Сколько сейчас градусов? — спросил мужчина слева.

— Тридцать семь, наверное, — ответил мальчик.

— Скоро начнется буря. При такой жаре иначе и быть не может.

— За ней уже едут, — проговорил мужчина справа.

На расстоянии нескольких миль к югу дорогу окутали тучи пыли. Медленно и упрямо на север катила машина.

— Она возвращается, — доложил мужчина справа.

«7:32. Объект выходит из конюшни», — зафиксировал мальчик.

— Кухарка подошла к двери.

Та, за кем они следили, остановилась у двери на кухню и взяла из рук кухарки коробку для завтрака из ярко-голубой пластмассы с картинкой из мультфильма на боку. Она на мгновение задержалась. Ее кожа была розовой и влажной от жары. Она наклонилась поправить

носки, затем быстрым шагом направилась к воротам, вышла и зашагала к повороту дороги. Школьный автобус затормозил и остановился, дверь открылась с шипением, которое четко слышали наблюдатели, несмотря на урчание мотора. Хромированные поручни блеснули в лучах солнца, в горячем неподвижном воздухе повисли облака выхлопа. Она поставила коробку с завтраком на верхнюю ступеньку, ухватилась за поручни и забралась внутрь. Дверь снова закрылась, и наблюдатели увидели на уровне окна ее светлые волосы. Затем рокот мотора стал громче, и автобус, подняв клубы пыли, сорвался с места.

«7:36. Объект едет на автобусе в школу», — записал мальчик.

Дорога на север была совершенно прямой, и он наблюдал за автобусом, пока висящее на горизонте марево не превратило его в мерцающий желтый мираж. Тогда он закрыл свой блокнот и закрепил его резинкой. Кухарка вернулась в красный дом и закрыла за собой дверь кухни. Примерно в миле от него наблюдатели опустили подзорные трубы и подняли воротники, чтобы хоть как-то защититься от обжигающего солнца.

Семь тридцать семь. Утро пятницы.

Семь тридцать восемь.

В семь тридцать девять больше чем в трехстах милях к северо-востоку Джек Ричер вылез в окно своего номера в мотеле. Минуту раньше он находился в ванной комнате и чистил зубы. А еще за минуту до этого он открыл дверь своего номера, чтобы посмотреть, какая погода, и оставил ее открытой. В шкафу, стоящем у входа, была зеркальная дверца, а в ванной имелось зеркало для бритья, и по чистой случайности он увидел, как четверо мужчин вышли из машины и направились к стойке портье. Ему просто повезло, но, поскольку Джек Ричер отличался наблюдательностью и всегда был настороже, ему везло чаще, чем другим.

Это была полицейская патрульная машина со значком на двери, и благодаря яркому солнцу и двойному отражению Ричеру удалось прочитать надписи на дверце. Наверху было написано: «Городская полиция», а пониже красовалась впечатляющая бляха, под которой значилось: «Лаббок, Техас». Все четверо мужчин были в форме, у всех надеты широкие ремни с пистолетами, рациями, тяжелыми дубинками

и наручниками. Трех из них он никогда не видел, а вот четвертого уже встречал — высокого тяжеловеса с короткими светлыми волосами, смазанными специальным гелем и зачесанными назад, и мясистым красным лицом. Сегодня это лицо украшала сияющая алюминиевая шина, закрепленная на сломанном носу. Правую руку с повязкой на сломанном указательном пальце тоже поддерживала шина.

Вчера вечером у него ничего такого не было, а Ричер не знал, что он коп. Этот парень выглядел как обычный придурок в баре. Ричер зашел туда, потому что ему сказали, будто там хорошая музыка, но оказалось, что это не так. Ричер отошел от оркестра и уселся на табурет возле стойки бара, чтобы посмотреть И-эс-пи-эн^[1] по телевизору с выключенным звуком, прикрепленному к стене. В заведении было много народа, и он втиснулся между женщиной, сидевшей справа, и крупным мужчиной с короткой стрижкой, который пристроился слева. Довольно скоро спортивная передача ему наскучила, и он повернулся, разглядывая посетителей. Тут-то он и заметил, как ест парень слева.

Парень был в белой безрукавке и ел куриные крылышки. Крылышки были очень жирные, а парень оказался жутким неряхой. Жир с подбородка и пальцев капал на рубашку, на которой расползалось громадное пятно. Однако негласные правила поведения в баре требуют не обращать внимания на такие вещи, а парень увидел, что Ричер на него смотрит.

— Ты это на кого уставился? — спросил он тихо и очень агрессивно.

Ричер его проигнорировал.

— Ты на кого уставился? — снова спросил парень.

По личному опыту Ричер знал, что, если такой вопрос задают один раз, ничего не происходит, а вот если его повторяют, жди неприятностей. Главная проблема состоит в том, что они принимают молчание за страх. И думают, что победа на их стороне. Впрочем, они все равно не дают тебе возможности ответить.

— Ты на меня пялишься? — спросил парень.

— Нет, — ответил Ричер.

— Не смей на меня пялиться, малыш, — заявил парень.

По тому, как он произнес слово «малыш», Ричер пришел к выводу, что он, скорее всего, мастер на лесопилке или на

хлопкоперерабатывающем заводе. Иными словами, на любом местном производстве, требующем грубой физической силы. Что-нибудь вроде семейной профессии, которая передается из поколения в поколение. Разумеется, слово «коп» даже не пришло ему в голову. Но с другой стороны, он совсем недавно приехал в Техас.

— Не смей на меня смотреть, — повторил парень.

Ричер повернул голову и взглянул на него. Вовсе не затем, чтобы позлить. Он хотел его оценить. Жизнь способна бесконечно преподносить сюрпризы, и потому Ричер знал, что рано или поздно встретит человека, который будет обладать такой же силой, как и он. Но ему сразу стало ясно, что это произойдет не сегодня. Он улыбнулся и отвернулся.

Тогда парень ткнул в него пальцем.

— Я же сказал тебе, чтобы ты на меня не глазел, — сказал он.

Палец был толстым и очень жирным. На рубашке Ричера осталось грязное пятно.

— Не делай этого, — посоветовал ему Ричер.

Парень снова ткнул в него пальцем.

— А что будет? — спросил он. — Что ты мне сделаешь?

Ричер опустил глаза и увидел на рубашке два пятна. Парень повторил свои действия. Три пятна. Ричер сжал зубы. В конце концов, что такое три жирных пятна на рубашке? Он начал медленно считать до десяти. Но прежде чем он дошел до восьми, парень снова ткнул в него жирным пальцем.

— Ты что, глухой? — спросил Ричер. — Я же сказал тебе, чтобы ты этого не делал.

— Хочешь меня наказать?

— Нет, — ответил Ричер. — Совсем не хочу. Я только хочу, чтобы ты перестал это делать.

— В таком случае ты трусливый кусок дерьма, — с улыбкой заявил парень.

— Как скажешь, — не стал спорить с ним Ричер. — Только держи подальше от меня свои руки.

— Или что? Что ты сделаешь?

Ричер продолжил считать: «Восемь, девять...»

— Хочешь выйти поговорить? — спросил парень.

«Десять».

— Узнаешь, если еще раз ко мне прикоснешься, — ответил Ричер. — Я предупредил тебя четыре раза.

Парень замер на миг, а потом, разумеется, решил вернуться к своим развлечениям. Ричер поймал его палец на полпути и сломал около первой костяшки. Просто дернул вверх, словно ручку двери. А затем, потому что гнусный тип его разозлил, наклонился вперед и ударил его головой в лицо. Движение получилось гладким и уверенным, но примерно в половину силы. Зачем отправлять человека в кому из-за четырех жирных пятен на рубашке? Он чуть сдвинулся в сторону, освобождая место, чтобы парню было куда упасть, и невольно толкнул женщину справа.

— Извините, мэм, — сказал он.

Она едва заметно кивнула, не очень понимая, из-за чего поднялся шум, поскольку ее интересовало только содержимое ее стакана. Верзила тихонько повалился на пол, и Ричер ногой перевернул его на бок. Затем носком ботинка откинул его голову назад, чтобы в дыхательные пути поступал воздух. Парамедики называют такое положение восстановительным, поскольку так человек, потерявший сознание, не может задохнуться.

После этого Ричер заплатил за выпивку, вернулся в мотель и даже думать забыл про того парня, пока не увидел его в зеркале в ванной, да еще в форме полицейского. Он быстро обдумал ситуацию.

Первую секунду он потратил на оценку углов отражения. «Если я его вижу, значит ли это, что он может видеть меня?» Ответ: «Да, естественно, как только посмотрит в нужную сторону». Пока он еще не смотрел. Вторую секунду Ричер ругал себя. Он должен был обратить внимание на некоторые детали. Кто станет тыкать пальцем в человека его телосложения, не обладая каким-либо защитным статусом? Статусом, дающим воображаемую неприкосновенность? Ему следовало быть внимательнее.

И что теперь делать? Парень из бара оказался копом на своей территории. А Ричер из тех, кого легко заметить. Кроме всего прочего, у него на рубашке осталось четыре жирных пятна и свежий синяк на лбу. Наверняка эксперты смогут сравнить его форму со сломанным носом типа.

Так что же теперь делать? Разъяренный коп, мечтающий о мести, может доставить кучу неприятностей. Огромную кучу неприятностей.

Шумный публичный арест, возможно, со стрельбой и, вне всякого сомнения, игры «один против четверых» в какой-нибудь удаленной от остальных камере в участке, когда ты не можешь дать сдачи, чтобы не усложнить свое положение. Затем бесконечные и весьма неприятные вопросы, поскольку Ричер не носил с собой никаких документов и вообще ничего такого, если не считать зубной щетки и пары тысяч долларов в кармане брюк. Поэтому к нему отнесутся как к очень подозрительной личности. Почти наверняка предъявят обвинение в нападении на офицера полиции. В Техасе это, должно быть, серьезное обвинение. Тут же появятся свидетели, которые заявят, что нападение было умышленным и ничем не спровоцированным. И он может получить от семи до десяти в каком-нибудь заведении строгого режима, что явно не входило в его планы.

Значит, бесстрашие должно уступить место осторожности. Ричер положил зубную щетку в карман, прошел через комнату и открыл окно. Отцепил сетку и бросил на землю. Затем вылез наружу, закрыл окно, вернул сетку на место и вышел через пустую парковку на ближайшую улицу. Повернул направо и шагал вперед до тех пор, пока его не скрыло из виду невысокое здание. Он начал оглядываться по сторонам в поисках автобуса. Ничего. А как насчет такси? Тоже ничего. Тогда он поднял вверх большой палец. По его представлениям, у него было минут десять, чтобы найти кого-то, кто его подберет, прежде чем полицейские закончат с мотелем и начнут объезжать улицы. Десять минут, может быть, пятнадцать, но это максимум.

А значит, ничего не получится. Просто не может получиться. Семь тридцать девять утра, а температура воздуха уже перевалила за тридцать пять градусов. Никто его не подберет, потому что в такую жару ни один водитель на планете не откроет дверь своей машины настолько, чтобы он успел забраться внутрь, не говоря уже о вопросах насчет того, куда ему нужно попасть. Выходит, он не успеет вовремя найти путь к отступлению. Это совершенно невозможно. Ричер начал обдумывать альтернативные варианты, поскольку был уверен, что здесь тупик. Но он ошибся. Да и вообще весь этот день оказался полон сюрпризов и неожиданностей.

Убийц было трое: двое мужчин и женщина. Профессиональная команда, которая работала в других штатах, но базировалась в Лос-

Анджелесе. Связаться с ними можно было через посредников в Далласе и Вегасе. Они занимались этим ремеслом вот уже десять лет и отлично справлялись со своей работой: умели разобраться с трудными ситуациями, возникающими в разных местах на юго-западе, и остаться в живых, чтобы получить гонорар и продолжать брать заказы столько раз, сколько их попросят. Десять лет, и ни намек на проблемы. Прекрасная команда. Педантичная, изобретательная, добивающаяся во всем совершенства. Идеальная для их необычного маленького мирка. Они великолепно в него вписывались. Белые, безымянные, с незапоминающейся внешностью. Вместе они были похожи на служащих компании фотокопировальных устройств, которые спешат на очередное заседание, посвященное продажам.

Впрочем, их никто и никогда не видел вместе — кроме жертв. Они путешествовали порознь. Один всегда ездил на машине, двое других летали на самолетах — разными рейсами и маршрутами. На машине ездил мужчина, потому что они старались оставаться незаметными, а женщина, отправившаяся в одиночку на большое расстояние, может привлечь внимание. Машину всегда брали напрокат, всегда у терминала прибытия международного аэропорта Лос-Анджелеса, где собиралось больше всего в мире народа. Это всегда был семейный седан неприметного грязно-серого цвета. Права и кредитная карта всегда были настоящими, выданными по всем правилам в каком-нибудь удаленном штате несуществующему человеку.

Мужчина подождал на тротуаре, а когда пассажиры, прилетевшие очередным рейсом, устремились к багажной стойке, он присоединился к ним, став одним из сотни. Он был невысоким, смуглым, в руках держал вещмешок и дорожную сумку и выглядел таким же несчастным и затравленным, как и остальные пассажиры.

Заполнив у стойки бумаги, мужчина отправился на автобусе к станции проката машин и нашел свой автомобиль. Он бросил вещи в багажник, дождался чека и выехал на улицу. Около сорока минут он провел в пути, нарезая широкие, совершенно бессмысленные круги, чтобы убедиться в том, что за ним никто не следит. Затем он повернул в сторону Западного Голливуда и остановился возле закрытого гаража в переулке за салоном по продаже нижнего белья. Не выключая двигателя, он открыл ключом дверь гаража, потом багажник и поменял свой вещмешок и сумку на два больших чемодана из плотного черного

нейлона. Один из чемоданов был очень тяжелым. Именно он являлся причиной того, что мужчина путешествовал на машине, а не летел самолетом. В нем лежали вещи, которые лучше держать подальше от систем безопасности аэропортов.

Смуглый мужчина закрыл гараж и отправился на восток по бульвару Санта-Моника, повернул на юг на шоссе 101, а затем снова на восток на 10-е. После чего устроился поудобнее, приготовившись к двум дням пути до Техаса. Он не курил, но зажигал бесчисленные сигареты и держал их между пальцами, стряхивая пепел на коврик, приборную доску и руль. Когда сигарета догорала, он гасил ее в пепельнице. Прокатной компании придется тщательно пропылесосить машину, обрызгать освежителем воздуха и протереть специальной жидкостью все поверхности. Таким образом будут уничтожены все его следы, включая отпечатки пальцев.

Второй мужчина тоже двинулся в путь. Он был выше, тяжелее, с более светлыми волосами и такой же непримечательной внешностью. Он встал в длинную очередь, выстроившуюся в аэропорту Лос-Анджелеса в конце рабочего дня, и купил билет до Атланты. Прилетев туда, он поменял свой бумажник на один из пяти лежавших в его дорожной сумке, и совершенно другой человек приобрел билет до Далласа/Форт-Уэрта^[2].

Женщина летела на следующий день. Она пользовалась особыми правами, потому что возглавляла команду. Примерно средних лет, среднего роста и размера, со светло-русыми волосами. В ней не было ничего особенного, за исключением того, что на жизнь она зарабатывала, убивая людей. Она оставила свою машину на долгосрочной стоянке в аэропорту Лос-Анджелеса, что не представляло для нее никакой опасности, поскольку машина была записана на младенца из Пасадены, который умер от кори тридцать лет назад. Женщина доехала на автобусе компании до терминала и воспользовалась фальшивой карточкой «Мастеркард», чтобы купить билет, и настоящими водительскими правами, выданными в Нью-Йорке, чтобы охрана у ворот могла взглянуть на ее фотографию. Она села в самолет, когда мужчина в машине начал свой второй день пути.

В первый день после второй остановки для заправки он свернул с дороги в горы Нью-Мексико и нашел пустынный пыльный уступ, где, присев на корточки в холодном разреженном воздухе, сменил на

машине калифорнийские номера на аризонские, которые достал из самого тяжелого чемодана. Затем он вернулся на шоссе и ехал еще час, потом остановился около мотеля, заплатил наличными, назвав адрес в Тусоне, и позволил служащему мотеля переписать аризонские номера в регистрационную карточку.

Он проспал шесть часов, включив вентилятор на самый минимум, и рано утром снова отправился в путь. В конце второго дня он добрался до Далласа/Форт-Уэрта и поставил машину на долгосрочную стоянку в аэропорту. Забрал чемоданы и на автобусе доехал до выхода на посадку. Оттуда по эскалатору спустился в зал прибытия и встал в очередь к стойке «Херца»^[3], потому что они давали напрокат «форды», а ему требовался «форд-краун-виктория».

Смуглый мужчина заполнил все бумаги, предъявив удостоверение личности, выданное в Иллинойсе, доехал на автобусе до стоянки и отыскал свой автомобиль. Непримечательный, стального цвета с голубым отливом, ни светлый, ни темный. Как раз то, что ему требовалось. Он забросил вещи в багажник и поехал в мотель, расположенный рядом с новым бейсбольным стадионом на дороге из Форт-Уэрта в Даллас. Показал то же самое иллинойское удостоверение личности, поел и проспал несколько часов. Он встал рано и встретился со своими напарниками на залитой обжигающим солнцем площадке перед мотелем как раз в тот момент, когда в четырехстах милях от них, в Лаббоке, Джек Ричер выставил большой палец.

Вторым сюрпризом после того, как Ричер увидел копа около мотеля, стало то, что ему удалось остановить машину через три минуты. Он еще даже не начал потеть, и его рубашка оставалась совершенно сухой. Третьим сюрпризом явился тот факт, что за рулем сидела женщина. А четвертым, и самым большим, — направление, которое принял их разговор.

Ричер ездил автостопом большую часть двадцати пяти лет, в таком количестве самых разных стран, что все и не назвать, и промежуток в три минуты между тем мгновением, когда он поднял палец, и тем, когда залез в машину, оказался самым коротким на его памяти. Основываясь на личном опыте, Ричер считал, что как средство передвижения автостоп умирает. Водители, которые на этом

зарабатывали, имели проблемы со страховкой, а обычные граждане предпочитали не брать незнакомых людей. Кто знает, а вдруг ты псих? В случае Ричера дело обстояло совсем плохо, особенно сейчас. Он не был аккуратно одетым, безобидным мужчиной маленького роста. Как раз наоборот, он был высоким, шести футов пяти дюймов, крупным, могучего телосложения, весом около двухсот пятидесяти фунтов. При ближайшем рассмотрении выяснялось, что он к тому же еще не слишком опрятно одет, небрит и волосы торчат в разные стороны. В общем, у обычных людей он вызывал опасения, и они старались держаться от него подальше. А в настоящий момент его лоб украшал свежий синяк. Вот по какой причине его удивили три минуты.

Почему его удивила женщина за рулем? Существует негласный порядок, основанный на подсознательной оценке риска. В самом начале списка стоят молодые девушки, которые без проблем могут договориться с пожилым водителем, потому что не представляют для него угрозы. Хотя сейчас появилось множество авантюристок, требующих сто баксов за отказ от ложных обвинений в сексуальном домогательстве. В любом случае крупный лохматый тип стоит в самом конце списка и вряд ли может рассчитывать, что ему откроет дверцу своего дорогого автомобиля хорошо одетая, стройная женщина.

Ричер шел быстрым шагом на юго-запад от мотеля, ошеломленный невероятной жарой и ослепленный ярким солнцем, выставив вверх большой палец, когда она остановилась возле него и широкие покрышки ее машины с влажным шипением заскользили по асфальту. Машина была белой, и солнце, отражавшееся от капота, ослепило Ричера. Он повернулся к женщине в тот момент, когда она открыла окно со стороны пассажирской двери. Семь сорок пять, утро пятницы.

— Куда? — спросила она, словно была водителем такси.

— Все равно, — ответил Ричер.

И тут же пожалел о своей глупости, потому что, когда тебе все равно, куда ехать, это плохо. Тогда тебя принимают за бродягу, который бессмысленно болтается по стране, и это делает людей подозрительными и вызывает у них опасения, что им не удастся от тебя избавиться. А вдруг ты захочешь доехать с ними до их дома? Но женщина за рулем лишь кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Я еду в Пекос.

Ричер от удивления на миг замер на месте. Женщина слегка опустила голову и смотрела на него в окно.

— Отлично, — ответил он, сошел с тротуара, открыл дверцу и сел в машину.

Внутри оказалось очень холодно. Кондиционер ревел, работая на максимум своих возможностей, сиденье было кожаным, и у Ричера возникло ощущение, будто он уселся на кусок льда. Когда он захлопнул за собой дверь, женщина нажала на кнопку со своей стороны и закрыла окно.

— Спасибо, — сказал Ричер. — Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарен.

Она промолчала, только отмахнулась от него и повернулась назад, чтобы посмотреть на дорогу у себя за спиной. Люди подвозят других людей по самым разным причинам. Возможно, когда они были моложе, они много ездили автостопом, а теперь, когда их жизнь устроилась и все у них в полном порядке, они хотят вернуть старые долги. Вот такой круговорот. А может быть, у них добрая душа. Или им одиноко и хочется поговорить.

Впрочем, если эта женщина хотела поговорить, она не слишком с этим спешила. Она дождалась, пока мимо проедет парочка грузовиков, и молча пристроилась за ними. Ричер огляделся по сторонам, рассматривая ее машину. «Кадиллак», двухдверный, длинный, как корабль, и невероятно роскошный. Похоже, ему было года два, но выглядел он так, словно его только что купили. Кожаная обивка цвета старой кости, тонированные стекла оттенка пустой бутылки из-под французского вина. На заднем сиденье — записная книжка и небольшой портфель. Книжка в черной обложке, кажется пластиковой. Портфель из потертой воловьей кожи, одна из тех вещей, которые выглядят старыми уже тогда, когда вы их покупаете. Портфель был открыт, и из него выглядывала пачка сложенных бумаг вроде тех, какие можно увидеть в адвокатских конторах.

— Если хотите, можете отодвинуть сиденье, — сказала женщина. — Устраивайтесь поудобнее.

— Спасибо, — повторил Ричер.

Он нашел на двери нужные кнопки в форме подушек для сиденья, принялся на них нажимать, и механизмы отодвинули его кресло назад и откинули спинку. Ричер опустил сиденье, чтобы быть не очень

заметным снаружи. Механизмы негромко урчали, и у него возникло ощущение, будто он оказался в кресле дантиста.

— Ну вот, значительно лучше, — сказала женщина. — Так вам удобнее.

Ее кресло было плотно придвинуто к рулю, потому что она была маленького роста. Ричер слегка повернулся и искоса стал разглядывать ее. Невысокая, стройная, со смуглой кожей, изящная. Очень миниатюрная. Примерно сто фунтов, около тридцати лет. Длинные, вьющиеся черные волосы, карие глаза, маленькие белые зубы, напряженная полуулыбка. Похоже, мексиканка, решил Ричер, но не из тех, кто переплывает Рио-Гранде в поисках лучшей жизни. Не вызывало сомнений, что предки этой женщины наслаждались лучшей жизнью в течение сотни лет. Это было в ее генах. Она выглядела как ацтекская принцесса. На ней было простое хлопчатобумажное платье с бледным рисунком, без рукавов и до колена. Ничего особенного, но сразу видно, что из дорогих. Ее руки и ноги, гладкие и темные, казались тщательно отполированными.

— Итак, куда вы направляетесь? — спросила она. Помолчала немного и улыбнулась. — Нет, я уже об этом спрашивала, и мне не показалось, что вы знаете, куда вам нужно.

У нее был настоящий американский акцент, скорее западный, чем южный. Она вела машину двумя руками, и Ричер заметил кольца, тонкое обручальное и платиновое с большим бриллиантом.

— Все равно куда, — сказал он. — Я хочу попасть туда, где я окажусь.

Она помолчала и снова улыбнулась.

— Вы от чего-то убегаете? Неужели я подобрала опасного беглеца?

Ее улыбка означала, что вопрос несерьезный, но Ричер вдруг подумал, что она напрасно шутит. В данных обстоятельствах этот вопрос был не столь уж бессмысленным. Она рисковала. И именно такой риск убивал автостоп в качестве средства передвижения.

— Я исследую, — сказал он.

— Исследуете Техас? Его уже давно открыли.

— Как турист, — пояснил Ричер.

— Но вы совсем не похожи на туриста. Туристы приезжают к нам на автобусах, и все они одеты в синтетические спортивные костюмы.

Она снова улыбнулась, когда произнесла это, и Ричер подумал, что ей очень идет улыбка. Она выглядела уверенной, сдержанной и утонченной. Элегантная мексиканка в дорогом платье, непринужденно разговаривающая с незнакомым мужчиной. За рулем «кадиллака». Неожиданно Ричер сообразил, что отвечает на все ее вопросы коротко и немногословно, вспомнил о своих растрепанных волосах и щетине на щеках, о рубашке в жирных пятнах и о мятых брюках. А еще о большом синяке на лбу.

— Вы здесь живете? — спросил он, потому что она сказала: «Туристы приезжают к нам» — и он чувствовал, что должен как-то поддержать разговор.

— Я живу к югу от Пекоса, — ответила она. — Это больше трехсот миль отсюда. Я же сказала вам, что еду туда.

— Я там никогда не был, — проговорил Ричер.

Она замолчала и подождала, пока не переключился светофор, проехала широкий перекресток и свернула на правую полосу. Ричер наблюдал за тем, как двигается ее бедро, когда она нажимает на педаль газа. Она прикусила нижнюю губу и прищурила глаза. Что-то заставило ее напрячься, но она явно контролировала ситуацию.

— Значит, вы исследовали Лаббок? — спросила она.

— Я видел памятник Бадди Холли^[4].

Ричер заметил, как она посмотрела на радиоприемник, будто подумала: «Если этот парень любит музыку, может, включить ему что-нибудь?»

— А вам нравится Бадди Холли? — спросила она.

— Не очень, — ответил Ричер. — Слишком ручной, на мой вкус.

Она кивнула, не поворачиваясь к нему:

— Согласна. Мне кажется, Ричи Вэлэнс^[5] был лучше. Он тоже из Лаббока.

— Да, я видел его имя на Аллее Звезд в Голливуде.

— Сколько времени вы провели в Лаббоке?

— Один день.

— И снова в путь.

— Таков план.

— Все равно куда, — сказала она.

— Таков план, — повторил Ричер.

Они выехали за пределы города, миновав маленький металлический указатель на обочине. Ричер усмехнулся про себя. На патрульной машине было написано: «Городская полиция». Ричер повернул голову и проследил взглядом за тем, как опасность остается за спиной.

Мужчины сидели на переднем сиденье «форда-краун». Светловолосый, который был повыше, — за рулем, чтобы дать тому, что пониже, отдохнуть. Женщина устроилась сзади. Они выехали с парковки мотеля и помчались из Далласа по междугородной автостраде I-20 на запад, в сторону Форт-Уэрта. Они не разговаривали. Огромные пространства Техаса их угнетали. Готовясь к новому заданию, женщина прочитала путеводитель, где говорилось, что штат занимает семь процентов территории Америки и по своим размерам превышает большинство европейских стран. Это не произвело на нее никакого впечатления. Все знают о том, что Техас невероятно гордится своими огромными размерами. Однако в книжке утверждалось, что Техас еще и шире, чем расстояние между Нью-Йорком и Чикаго. Эта информация показалась ей интересной и объясняла, почему им приходится так долго ехать, чтобы попасть из одного места в другое.

Но в машине было тихо, прохладно и удобно — все условия для того, чтобы отдохнуть и расслабиться. Не хуже, чем в номере какого-нибудь мотеля. В конце концов, им нужно было как-то убить время.

Женщина сбросила скорость и свернула направо, в сторону Нью-Мексико, затем через милю повернула налево, к старому Мехико. Ее платье помялось на животе, как будто она надевала его второй день подряд. В холодном воздухе, дующем из кондиционера, чувствовался едва уловимый аромат ее духов.

— Как вы считаете, Пекан стоит посмотреть? — спросил Ричер у тишины.

— Пекос, — поправила она.

— Да, Пекос.

— Мне он нравится, — ответила она, пожав плечами. — В основном там живут мексиканцы. Мне там комфортно.

Ее правая рука напряглась на руле, и Ричер увидел, как под кожей зашевелились сухожилия.

— Вам нравятся мексиканцы? — спросила она.

— Не больше и не меньше остальных людей.

— Вы не любите людей?

— По-разному.

— А дыня канталупа вам нравится?

— Не больше и не меньше остальных фруктов.

— В Пекосе выращивают самые сладкие канталупы в Техасе, — сообщила она. — А следовательно, по их мнению, во всем мире. В июле у нас устраивают родео, но вы его уже пропустили. К северу от Пекоса находится «округ любви». Слышали о нем?

Ричер покачал головой:

— Я здесь никогда не бывал.

— Это самый малонаселенный округ в Америке, — пояснила женщина. — Наверное, если не считать кое-каких мест на Аляске. Но зато самый богатый. Население составляет сто десять человек на четыреста двадцать действующих нефтяных скважин.

— В таком случае посадите меня в Пекосе, — кивнув, сказал Ричер. — Судя по всему, это интересное место.

— Здесь был настоящий Дикий Запад, — сказала она. — Разумеется, давным-давно. Техас и Тихоокеанская железная дорога положили этому конец. Там были салуны и все такое. Жуткое место. От названия города был даже образован глагол. Упекосить кого-то означало пристрелить и бросить тело в реку Пекос.

— Жители по-прежнему продолжают так делать?

Женщина улыбнулась, но это была совсем другая улыбка. Элегантность уступила место озорству. Напряжение ушло, и она стала еще привлекательнее.

— Теперь не слишком часто, — сказала она.

— А ваша семья из Пекоса?

— Нет, из Калифорнии, — ответила она. — Я приехала в Техас, когда вышла замуж.

«Продолжай говорить, — подумал Ричер. — Она спасла твою задницу».

— Давно вы замужем? — спросил он.

— Почти семь лет.

— А ваша семья давно живет в Калифорнии?

Женщина помолчала немного и опять улыбнулась.

— Дольше любого другого калифорнийца, это точно, — проговорила она.

Они ехали по пустынной плоской местности, и она прибавила скорость на прямой дороге. Обжигающее небо за ветровым стеклом казалось бутылочно-зеленым. Термометр на приборной доске показывал, что снаружи сорок градусов, а в машине — всего тринадцать.

— Вы адвокат?

Женщина на мгновение удивилась, потом поняла, в чем дело, и взглянула в зеркало на портфель, лежащий на заднем сиденье.

— Нет, я клиентка адвоката, — пояснила она.

Разговор снова замер. Ричеру показалось, что она нервничает, и это его смущало.

— А еще кто вы? — спросил он.

Она ответила не сразу.

— Чья-то жена и мать. А еще чья-то дочь и сестра. Я держу несколько лошадей. И все. А вы кто?

— Да так, ничего особенного, — сказал Ричер.

— Ну, вы же должны кем-то быть.

— Я много кем был, — проговорил он. — Я был чьим-то сыном и чьим-то братом, а еще чьим-то другом.

— Были?

— Мои родители умерли, брат умер, а подруга меня оставила.

«Не самая лучшая реплика», — подумал Ричер. Женщина промолчала.

— И лошадей у меня нет, — добавил он.

— Мне очень жаль, — проговорила она.

— Что у меня нет лошадей?

— Нет, что вы совсем один в мире.

— Это дело прошлое, — сказал Ричер. — Все совсем не так плохо, как кажется.

— Вы не одиноки?

— Я люблю быть один, — пожав плечами, ответил он.

— А почему вас оставила ваша подруга?

— Уехала работать в Европу.

— Вы не смогли поехать с ней?

— На самом деле она не хотела, чтобы я с ней поехал.

— Понятно, — протянула она. — А вы хотели поехать?

Ричер помолчал, обдумывая ответ.

— Думаю, не хотел, — сказал он наконец. — Пришлось бы осесть на одном месте.

— А вы этого не любите?

Он тряхнул головой:

— Две ночи в одном мотеле — и мне уже не по себе.

— Отсюда один день в Лаббоке, — сказала она.

— А следующий — в Пекосе, — добавил Ричер.

— А потом?

Он улыбнулся:

— Что будет потом, я не знаю. И потому мне это нравится.

Женщина некоторое время вела машину молча.

— Значит, вы все-таки от чего-то убегаете, — проговорила она. — Возможно, вы вели очень упорядоченную жизнь и хотите избавиться от этого чувства.

Ричер снова тряхнул головой:

— Нет, как раз наоборот. Вся моя жизнь была связана с армией, а это очень неупорядоченная жизнь, и она мне нравилась.

— Понятно. Наверное, вы привыкли к хаосу, — заметила она.

— Наверное.

Женщина помолчала немного, а потом спросила:

— А как человек может провести всю свою жизнь в армии?

— Мой отец был военным. Я вырос на военных базах, разбросанных по всему миру, а когда повзрослел, решил там остаться.

— Но теперь вы уволились.

— Отличная подготовка, а идти некуда, — подтвердил он.

Ричер видел, что она обдумывает его ответ, заметил, как снова появилось напряжение. Она сильнее нажала на газ, возможно не отдавая себе в этом отчета или чисто инстинктивно. У него возникло ощущение, что ее интерес к нему набирает скорость, совсем как машина.

Корпорация «Форд» собирает «краун-виктории» на заводе в Сент-Томасе в Канаде, десятки тысяч штук в год, и почти все эти машины покупают полицейские департаменты либо компании, содержащие такси или занимающиеся прокатом автомобилей. И лишь ничтожно

малое количество приобретают обычные граждане. Подобные дорожные крейсеры больше не пользуются популярностью на рынке, а безумцам, которые желают получить такой автомобиль, компания «Форд моторс» предоставляет «меркури-гранд-маркиз» — то же самое, только в нарядной упаковке, да еще за те же деньги. Таким образом, собственные «краун-виктории» встречаются реже, чем «роллс-ройсы», поэтому, когда вы видите такой автомобиль и это не желтое такси и не бело-черная машина с надписью «Полиция» на дверцах, вы невольно приходите к выводу, что перед вами машина отдела расследований. Или она принадлежит какому-либо другому государственному ведомству, например ФБР или Секретной службе. А может, это служебная машина медэксперта или начальника пожарной охраны большого города.

Таково подсознательное впечатление, и существуют способы немного его усилить.

В безлюдной местности на полпути к Абилину высокий светловолосый мужчина свернул с шоссе и поехал по проселочной дороге через поля и густые заросли деревьев, пока не нашел пыльный поворот, находившийся, наверное, в десяти милях от ближайшего человеческого существа. Он остановился, выключил двигатель и открыл багажник. Смуглый мужчина вытащил оттуда тяжелый чемодан и положил на землю. Женщина открыла молнию и вручила виргинские номера высокому мужчине. Он достал из чемодана отвертку и сменил тexasские номера на виргинские. Смуглый мужчина снял пластиковые чехлы со всех четырех колес, открыв дешевые черные стальные колеса, и убрал чехлы вместе с номерами в багажник. Женщина отыскала в чемодане четыре радиоантенны, портативные рации и антенны для мобильных телефонов, купленные по дешевке в специализированной лавке в Лос-Анджелесе. Антенны телефонов она приделала липкой пленкой к заднему стеклу. Дождавшись, когда ее напарник закроет багажник, она пристроила антенны рации на крышку. Они были на магнитах и ни с чем не соединялись. Они лишь создавали видимость.

Затем невысокий мужчина занял свое законное место за рулем, развернулся и, подняв тучи пыли, спокойно выехал на шоссе. «Краун-виктория», простые стальные колеса, лес антенн, виргинские номера.